

УДК 340.152

## ПРАВОТВОРЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЮРИСТОВ В ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ АНТИЧНОГО МИРА

**Н. В. Разуваев**

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург)*

Поступила в редакцию 25 февраля 2023 г.

**Аннотация:** в статье с позиций постклассического правопонимания рассматривается правовая доктрина как источник римского частного права. По мнению автора, правотворческое значение сочинений римских юристов в полной мере объясняется с учетом историко-типологических характеристик античной правовой традиции. Речь идет, прежде всего, о таких специфически присущих ей признаках, как партикуляризм, неразвитость нормативного начала и отсутствие системного единства правопорядка.

Как показано в работе, основными средствами конструирования правопорядка античного Рима являлись не правовые нормы, а субъективные права и обязанности. В этих условиях трудно переоценить правотворческое значение юридической доктрины, в задачи которой входило описание, систематизация и типизация субъективных прав участников юридического процесса. На основе проведенного исследования автор делает вывод о том, что в современном обществе юридическая наука далеко не исчерпала своего правотворческого потенциала, особенно в сфере гражданского права и иных частноправовых отраслей.

**Ключевые слова:** правовая традиция, римское право, источники права, доктрина, естественное право, правовая коммуникация, субъективные права.

# THE LAW-MAKING EFFECT OF WRITINGS OF ROMAN LAWYERS IN THE LEGAL TRADITION OF THE ANCIENT WORLD

N. V. Razuvaev

*North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy  
and Public Administration (St. Petersburg)*

**Abstract:** the article considers legal doctrine as a source of Roman private law from the position of post-classical legal understanding. According to the author, the law-making value of the writings of Roman lawyers is fully explained by considering the historical and typological characteristics of the ancient legal tradition. We are talking, first, about such specific features of it, as particularism, underdeveloped normative principle and the absence of a systemic unity of law and order.

As shown in the work, the main means of constructing the legal order of ancient Rome were not legal norms, but subjective rights and duties. In these conditions it is difficult to overestimate the law-making value of legal doctrine, whose tasks included description, systematization and typification of subjective rights of legal participants. On the basis of the study the author concludes that in modern society the legal science is far from exhausting its law-making potential, especially in the civil law and other private law branches.

**Key words:** legal tradition, Roman law, sources of law, doctrine, natural law, legal communication, subjective rights.

## 1. Введение

В истории права, как и в истории правовой науки, римская юриспруденция, по мнению исследователей, занимает одно из ключевых мест, привлекая к себе внимание со стороны не только юристов-романистов, но и специалистов в области современного гражданского, международного и отчасти конституционного права, а также иных отраслевых юридических дисциплин. Актуальность и непреходящее значение результатов творческой деятельности классических римских юристов для современных правопорядков обусловлены целым рядом обстоятельств, определяющих необходимость дальнейшего изучения доктринальных юридических текстов в контексте идей, развиваемых представителями постклассического правопонимания<sup>1</sup>.

В рамках античной правовой традиции именно римская юриспруденция впервые институционализировалась в качестве науки, хотя бы

<sup>1</sup> Об основных положениях постклассического правопонимания см. подробнее: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 105–116; Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание : избр. труды. СПб., 2014. С. 11–33; Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016.

и специфической, положив тем самым начало очередному этапу эпистемологической эволюции, следующему за богословской и философско-метафизической стадиями. При этом следует подчеркнуть, что, рассматривая в исторической ретроспективе научное познание в качестве одного из этапов эволюции и роста человеческого знания<sup>2</sup>, мы не исходим ни из априорного превосходства науки над всеми прочими видами познания, как утверждал в свое время О. Конт<sup>3</sup>, ни тем более из гносеологической «взаимодополняемости» метафизики, науки и религии, как делают некоторые современные авторы, например, историк права Г. Берман<sup>4</sup>.

Постклассический подход, развиваемый нами, безусловно, не предполагает равноправия предметов познания теологии, философии и науки, ибо познавать, строго говоря, возможно лишь феномены, укорененные в реальности, а не вымышленные сущности или отвлеченные умозрения. Тем не менее, имеются достаточные основания вести речь о том, что методология рационального познания, включающая в себя совокупность рефлексивных способов получения знаний, как бы ни понимать это последнее, в равной мере может реализоваться в рамках теологического, философско-метафизического и научного дискурсов. Исходя из этого, можно, хотя и с существенными оговорками, уравнивать в познавательном смысле сочинения Аристотеля, богословские трактаты Фомы Аквинского или Ж. Кальвина с работами И. Ньютона и современных ученых, противопоставляя их системам повседневного здравого смысла, а также мифопоэтическим образам, выполняющим функции, принципиально отличные от эпистемологических<sup>5</sup>.

Одновременно нельзя не увидеть известной преемственности, связующей рассмотренные виды знания с допредикативными способами объяснения эмпирической реальности, каковыми являются здравый смысл и поэтические образы, выступающие отправными точками для любого познания. Поэтому можно согласиться с К. Поппером, считавшим, что, по мере накопления фактических данных, здравый смысл, утрачивая объяснительную силу, «либо претерпевает соответствующее исправление, либо мы выходим за его пределы и заменяем его теорией... Если для понимания такой теории нужна достаточно длительная подготовка, может оказаться, что она так и не будет усвоена здравым смыслом. Однако даже и в этом случае можно требовать, чтобы мы попытались как мож-

<sup>2</sup> См. об этом: Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 325.

<sup>3</sup> См.: Конт О. Курс положительной философии : в 6 т. СПб., 1900. Т. I, Философия математики. С. 4–8.

<sup>4</sup> См.: Берман Г. Дж. Вера и закон : примирение права и религии. М., 1999. С. 374–378.

<sup>5</sup> См. об этом: Фрейдсберг О. М. Миф и литература древности. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1998. С. 234 и след.

но больше приблизиться к идеалу: *всякая наука и всякая философия есть просвещенный здравый смысл*»<sup>6</sup>.

## 2. Культурно-историческая роль правовой науки Древнего Рима

Подобно любым другим ранним формам познания, римская юриспруденция представляла собой первичную научную теорию, еще не вполне свободную от оков допредикативного мышления. С этим, на наш взгляд, и связаны сущностные признаки, прежде всего, ведущая регулятивная роль юриспруденции, неотделимая от ее познавательной функции, что объясняется культурно-историческими особенностями не только римской юридической науки, но и античной правовой традиции в целом. Таким образом, изучение правотворческой деятельности римских юристов способно, помимо всего прочего, пролить свет на понятие и смысл достаточно неоднозначной категории правовой традиции, а также на ее соотношение со смежными понятиями, в том числе такими, как правопорядок, правовая реальность, правовая система, правовая семья, правовые стили и т.п.<sup>7</sup>

Так, заслуживает особого внимания плюрализм правовых традиций, особенно наглядно проявляющий себя в диахронной ретроспективе, причем рассмотрению подлежат не только уникальность, специфичность и оригинальность культурно-исторических признаков, на основе которых эти традиции выделяются, но и преемственность, взаимодействие, скрещивание различных традиций<sup>8</sup>, вполне сопоставимые с аналогичными процессами, происходящими в лингвистической сфере<sup>9</sup>. Представляется, что причиной взаимовлияния традиций служит существование семантических универсалий, обусловленных единством человеческой природы, проявляющимся как в языках, так и в правовых системах, и приводящим к их сближению во всемирном масштабе<sup>10</sup>.

Одной из универсалий такого рода выступает неизбежность доктринального правотворчества на известном этапе эволюции правопорядка.

<sup>6</sup> Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 42.

<sup>7</sup> См., например: Берман Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования. Изд. 2-е. М., 1998. С. 37; Цвайгерт К., Кёту Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. I, Основы. С. 108–109; Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. М., 2010. Том первый. С. 96 и след.; Дорская А. А. Правовые традиции России в контексте национального и международного правового развития // Вестник РГНФ. 2016. № 3–4. С. 92 и др.

<sup>8</sup> См., например: Сорокина Ю. В. Социально-правовое устройство праславян : индоевропейские традиции // История государства и права. 2021. № 12. С. 59–66.

<sup>9</sup> См.: Марр Н. Я. К происхождению языков // Марр Н. Я. Избранные работы. Л., 1933. Т. I, Этапы развития яфетической теории. С. 218.

<sup>10</sup> См., в частности: Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Р. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып. V, Языковые универсалии / под ред. Б. А. Успенского. М., 1970. С. 31.

При этом юридические доктрины, с одной стороны, возникают параллельно и независимо друг от друга (хотя и не одновременно) в различных культурах, выступая показателем их стадияльной близости, а с другой стороны, приобретают способность к взаимовлиянию и взаимному обогащению, что, в свою очередь, создает предпосылки для перехода на новый, более высокий, уровень научного знания. Так, именно римская юриспруденция, возникшая, видимо, ранее других доктринальных традиций<sup>11</sup>, со временем оказала мощное интеллектуальное воздействие не только на юридическую доктрину средневековой Западной Европы, но отчасти и на неевропейские правовые традиции (прежде всего, на исламское право, а также на иудейскую галахическую традицию)<sup>12</sup>.

Рассмотрение всех перечисленных выше вопросов позволяет решить – на конкретном примере римской юриспруденции – главную проблему, представляющую значительный интерес как для истории, так и для общей теории права. Суть ее состоит в том, чтобы рассмотреть констелляцию факторов, при которой доктринальные юридические тексты, обладающие в современных условиях преимущественно пропозициональной релевантностью<sup>13</sup>, приобретают, наряду с нею, и перлокутивный эффект<sup>14</sup>, т.е. способность оказывать обусловленное коммуникативным заданием воздействие на поведение участников правовой коммуникации<sup>15</sup>.

<sup>11</sup> По мнению К. Цвайгерта и Х. Кётца, более древней являлась индусская правовая доктрина, возникшая между 800 и 200 гг. до н.э. (см.: Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 465). Однако самые ранние из дошедших до нас текстов, содержащих в себе предписания индусского права, были составлены в начале II в. н.э., т.е. одновременно с трудами классических римских юристов. Своего же расцвета индусская правовая доктрина достигла лишь к VII в., когда был сведен воедино комплекс трактатов, приписываемых Яджнавалкье (Yājñavalkya Smṛti). Но даже и в них собственно юридические положения были буквально растворены во множестве различного рода религиозно-культурных и этикетно-бытовых предписаний, что не позволяет вести речь о правовой доктрине индуизма как о сложившемся и самостоятельном культурно-историческом феномене, сопоставимом по своему историческому значению с римской или исламской юриспруденцией.

<sup>12</sup> См.: Шахт Дж. Происхождение мусульманской юриспруденции. М., 1950; Amos S. History and Principles of the Civil Law of Rome. An Aid to the Study of Scientific and Comparative Jurisprudence. Littleton, 1987; Crone P. Roman, Provincial and Islamic law : The Origins of the Islamic Patronate. Cambridge, 2002; Бехруз Х. Н. Римская юриспруденция и исламская правовая доктрина : сравнительно-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2013. № 12(67). С. 113.

<sup>13</sup> О пропозициональной значимости научного нарратива как необходимой предпосылке реализации его когнитивной функции см., в частности: Гусаренко С. В. Прагматика релевантности в современном русском тексте-описании (на материале художественных и учебно-научных текстов) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 180.

<sup>14</sup> См.: Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII, Теория речевых актов. С. 93.

<sup>15</sup> См. об этом: Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания : российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16, № 6. С. 56.

Иными словами, комплексное изучение сочинений римских юристов позволяет объяснить важную особенность, присущую доктринальным юридическим текстам, а именно единство дескриптивного и прескриптивного аспектов, позволяющее доктринальному дискурсу являться не только способом познания правовой реальности, но и источником права в формально-юридическом смысле. Эта роль доктрины, к сожалению, до сих пор не получила удовлетворительного объяснения в рамках догматической общей теории права, сосредоточенной преимущественно на рассмотрении официальных нормативных документов и игнорирующей всю совокупность юридических текстов, правотворческое значение которых не вполне объясняется теми признаками (а именно нормативностью, письменно-документальной фиксацией, официально-волевым характером и т.п.), которые им зачастую приписывают<sup>16</sup>.

В результате оказывается недооцененной и возможность юридической науки выступать в качестве источника права и в современном правопорядке. Между тем опыт ряда национальных систем, в том числе принадлежащих к романо-германской правовой семье<sup>17</sup>, свидетельствует, что нормотворческий потенциал юридической доктрины еще далеко не исчерпан<sup>18</sup>. Более того, в условиях цифровой трансформации общественных отношений расширение сферы применения доктринальных, юридико-научных положений становится важной практической задачей. На наш взгляд, рассмотрение правотворческого значения произведений юристов в общем культурно-историческом контексте античной правовой традиции способно внести существенный вклад в исследование данной проблемы.

### 3. Эпистемологическая функция сочинений римских юристов

Регулятивное значение доктринальных юридических текстов неразрывно связано с их эпистемологической функцией и обусловлено особенностями предмета, методологии и базовых мировоззренческих установок, принятых в науке на том или ином этапе развития. При этом необходимо учитывать комплексный характер познания, включающего в

<sup>16</sup> См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2008. С. 428.

<sup>17</sup> См., например: Емелин М. Ю. Правовая доктрина в системе источников общего права : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015; Котлова А. В. Доктрина как источник права во Франции // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 43–45.

<sup>18</sup> Свидетельством чему являются предложения признать доктрину источником действующего российского права, хотя бы и субсидиарным. См.: Сырых В. М. Проблемы теории государства и права. М., 2008. С. 252; Малиновский А. А. Доктрина как источник уголовного права (Сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1. С. 11; Малько А. В., Храмов Д. В. Система нетрадиционных источников российского частного права // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 36–39; Овчинников А. И., Долгатова А. О., Фатхи В. И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 61.



себя упорядоченную систему философских представлений о реальности в целом, а также естественно-научные и социально-гуманитарные теории. Исходя из этого, можно утверждать, что римская юриспруденция с самого момента своего возникновения в конце III в. до н.э. испытывала определяющее влияние со стороны древнегреческой философии (прежде всего, Аристотеля и ранних стоиков)<sup>19</sup>, геометрии Евклида и учения александрийских грамматиков, следовавших в русле картины мира, созданной Аристотелем и стоиками<sup>20</sup>.

Фундаментальный подход, определявший строение этой картины, можно выразить следующим образом: описание фактов на базе общих принципов. Принято считать, что такой дедуктивный метод, нашедший свое наиболее последовательное обоснование в сочинениях Платона (которые, впрочем, не оказали заметного влияния на римскую юриспруденцию), практически безраздельно царил в античной науке<sup>21</sup>. Однако более детальное рассмотрение проблемы заставляет усомниться в справедливости этой точки зрения, поскольку даже аксиоматический метод, применявшийся Евклидом и другими древнегреческими математиками, отнюдь не всегда предполагал формулирование частных выводов на основе общих утверждений. Легко убедиться в том, что античная наука, включая науку юридическую, руководствовалась, скорее, абдуктивным методом познания, в наибольшей степени соответствовавшим стадияльно-типологическим характеристикам античного мышления.

Цель «абдуктивного мышления», согласно выражению Ч. С. Пирса, состояла в поиске наиболее правдоподобного, т.е. релевантного совокупности эмпирически наблюдаемых фактов, объяснения этих последних<sup>22</sup>. Таким образом, в древнегреческой математике общезначимые утверждения (аксиомы) были функционально связаны с подлежащими доказыванию теоремами и практически значимыми частными случаями. Точно так же римские юристы использовали общие принципы (*definitiones*) для обоснования суждений (*responsa*), выносимых по частным правовым вопросам (*quaestiones*), которые рассматривались или теоретически могли

<sup>19</sup> Показательно, что конкретно научные штудии как последователей Аристотеля, так и стоиков реализовывались в трех основных направлениях, а именно в математическом, логико-лингвистическом и правовом. Причем, при всех доктринальных расхождениях, теории, создаваемые в указанных сферах, отличались идейной и методологической однородностью, что позволяет говорить о существовании единой парадигмы в античной науке, распространявшей свое действие на все тогдашние области знания. См.: Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 565 и след.; Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности. СПб., 2002.

<sup>20</sup> См.: Алпатов В. М. Два подхода к изучению языка // История и современность. 2016. № 1 (23). С. 198–220.

<sup>21</sup> См., например: Клайн М. Математика. Утрата определенности. М., 1984. С. 31.

<sup>22</sup> См.: Pierce C. S. Three Types of Reasoning // Pierce C. S. The Collected Papers. Cambridge (Mass.), 1931. Vol. V, Pragmatism and Pragmaticism. P. 171.

рассматриваться в судах<sup>23</sup>. Иными словами, античное правовое мышление, столь ярко и выпукло представленное в доктринальных юридических текстах, имело не столько теоретический, сколько прикладной характер.

В силу этого и древнегреческие ученые, и римские юристы не скрывали своего недоверия к утверждениям общего характера, воспринимая их лишь в качестве эвристических приемов решения конкретных задач<sup>24</sup>. Так, неоплатоник Прокл (V в.) утверждает, что в математических трактатах следует сначала излагать задачи на построение, и лишь затем, руководствуясь полученными наглядными представлениями, доказывать теоремы, поскольку «задачи открывают те предметы, признаки которых затем отыскиваются в теоремах. Предложения задач являются простыми, вовсе не требующими технических знаний... Но для теорем они являются трудными, требующими множества тонкостей и научного суждения, и зачастую они не изобилуют ясностью и страдают недостатком истины (ἵνα μήτε πλεονάζουσα φαίνεται μήτ' ἐλλείπουσα τῆς ἀληθείας)»<sup>25</sup>.

Аналогичные суждения неоднократно высказывались и римскими юристами, в частности, Яволеном, по мнению которого, «в гражданском праве всякое определение опасно, ведь недостаточно того, чтобы оно не могло быть опровергнуто»<sup>26</sup>. Согласно не менее известному утверждению Павла, «правило – это то, что кратко описывает существующее понятие. Не из правила формируется право, но из действующего права создается правило»<sup>27</sup>. В своей деятельности юристы руководствовались своеобразной конвенциональной теорией истины<sup>28</sup>, вполне согласующейся с практическими задачами, стоявшими перед ними, в том числе сформули-

<sup>23</sup> Метод описания с преимущественной опорой на частные случаи (казусы) был воспринят римскими юристами у теоретиков ораторского искусства, в частности, у Цицерона, Сенеки Старшего, Квинтилиана и др., чьи контрверсии во многом послужили образцами для решения судебных споров, доведенного до совершенства римскими магистратами, а вслед за ними и юристами. См.: *Смирин В. М.* Римская школьная риторика Августа века как исторический источник (по «Контрверсиям» Сенеки Старшего) // *Вестник древней истории.* 1977. № 1. С. 95–113.

<sup>24</sup> См. подробнее: *Полдников Д. Ю.* Проблемы определения правового принципа в европейской юриспруденции // *Вестник НГУ. Сер.: Право.* 2011. Т. 7, вып. 1. С. 7–8.

<sup>25</sup> *Прокл Диадок.* Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. М., 2013. С. 213.

<sup>26</sup> *Iav. 11 epist., D. 50.17.202: Omnis definition in iure civili periculosa est: parum est enim, ut non subverti posset.*

<sup>27</sup> *Paul. 16 ad Plaut., D. 50.17.1: Regula est, quae rem quae et breviter enarrat. Non ex regula ius sumatur, sed ex iure quod est regula fiat.*

<sup>28</sup> Примечательно, что конвенционалистской теории истины, развивавшейся римскими юристами, уже в XX в. был придан новый импульс усилиями А. Пуанкаре, полагавшего, что исходные аксиомы являются во многом условностями, принимаемыми за отправную точку математических выводов по соглашению ученых. Отсюда Пуанкаре делает вывод о сконструированности математических истин, что позволяет видеть в нем одного из родоначальников современного конструктивистского подхода в математике. См.: *Пуанкаре А.* Наука и метод. Одесса, 1910. С. 17.



ровать доктринальные позиции, которые могут быть приняты за основу при вынесении судебного решения. Последние, естественно, не могут служить инструментами научного познания «объективной истины» в силу ее сложности и неоднозначности.

По мнению римских юристов, в суде истинным считается то утверждение, доказательство которого безупречно, с процедурной точки зрения. В доктринальных юридических текстах классического периода получает предельно ясное выражение мысль о том, что судебное решение принимается за истину не потому, что оно и в самом деле таково, но потому что участники тяжбы признают истинным доказанное в суде. Не случайно один из фрагментов Ульпиана, приведенный в Дигестах, гласит: «Мы должны считать свободнорожденным даже и того, которого таковым признает суд, хотя бы он был вольноотпущенником, ибо судебное решение принимается за истину»<sup>29</sup>.

Таким образом, исходным пунктом в исследованиях античных ученых являлись не суждения универсально-всеобщего характера, а минимальные значащие элементы эмпирической реальности<sup>30</sup>, в качестве которых выступали для математиков точки и линии, для лингвистов морфемы и слова, а для юристов – конкретные жизненные ситуации (казусы) и непосредственно связанные с этими ситуациями субъективные права и обязанности. Вместе с тем было бы ошибкой полагать, что римские юристы совершенно чуждались обращению к общим вопросам, а также использования для обоснования собственных концепций философских (в том числе натурфилософских) идей.

Так, у ранних стоиков, прежде всего у Хрисиппа из Сол<sup>31</sup>, творческая деятельность которого приходилась на III в. до н.э., римские юристы заимствовали не только общее правопонимание<sup>32</sup>, но и концепцию так называемых «бестелесных вещей» (*res incorporales*), ставшую результатом своеобразного переосмысления стоической идеи о материальности человеческой души и иных психических явлений (*Tert. de anim. 5; Alex. Aphrodis. de anim. 18.10 sqq.*). Примечательно, что дихотомия телесных и бестелесных вещей, предложенная юристами, оказала влияние на дефиниции позднеантичных лингвистов, таких как Харисий (IV в.), чья *Ars grammatica*

<sup>29</sup> Ulp. 1 ad leg. Iul. et Pap., D. 1.5.25: Ingenius accipere debemus etiam eum, de quo sententia lata est, quamvis fuerit libertinus: quia res iudicata pro veritate accipitur.

<sup>30</sup> См. об этом, в частности: Драчева Н. В. Спор об аналогии и аномалии в трактате Марка Теренция Варрона “De Lingua Latina” // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Культурология. Языкознание. 2014. № 8(130). С. 182.

<sup>31</sup> В Дигестах Юстиниана присутствует ряд отсылок к сочинениям Хрисиппа, пользовавшегося у римских юристов большим авторитетом. Не случайно Марциан (D. 1.3.2) называет его «философом, отличавшимся величайшей стоической мудростью (*philosophus summae stoicae sapientiae*)».

<sup>32</sup> См.: История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1985. С. 301.

впоследствии послужила одним из образцов при составлении нормативных грамматик новоевропейских языков<sup>33</sup>. Из натурфилософии стоиков (Plut. de defect. orac. 426a) римскими юристами было усвоено и широко применявшееся деление вещей по их составу на простые (*corpora unita*), сложные (*corpora composita*) и собирательные (*universitates*)<sup>34</sup>.

Вместе с тем по ряду практических вопросов юристы в полемике стоиков с последователями Аристотеля присоединялись к мнению последних. Одним из примеров такого рода служит знаменитый спор о смешении тел. Как известно, родоначальники стоического учения, прежде всего Клеанф и Хрисипп, руководствуясь представлением о «космической симпатии» тел, полагали, что под воздействием вселенского первоначала-пневмы тела обладают способностью проникать друг в друга, соединяя свою материю, а это дает им возможность расти (Alex. Aphrodis. de mixt. p. 216, 14 Bruns; Nemes. de nat. 2)<sup>35</sup>. Нетрудно заметить, что стоики исходили из первичности материального субстрата (ὑλη) при описании процесса смешения вещей. По их мнению, в результате такого смешения вещь претерпевает существенные изменения, поскольку присоединяемая материя не только увеличивает вещь, но и приводит к ее качественной трансформации.

Против этого воззрения решительно выступал один из наиболее влиятельных позднеантичных перипатетиков, Александр Афродисийский (III в.), развивавший в своих сочинениях аристотелевскую идею о примате формы (μορφή) над материей. Полемизируя со стоиками, Александр писал (Alex. Aphrodis. de mixt. p. 233, 14 Bruns), что, доказывая взаимопроникновение тел, они «приводят в пример рост живых существ, происходящий благодаря питанию. Действительно, рост вызывается приемом пищи, и если растущее прирастает повсюду, значит, и пища усваивается повсюду... Однако, дабы показать, что питание и возрастание происходит отнюдь не таким образом (ведь то, что невозможно, не происходит), я намерен изложить учение Аристотеля о возрастании и питании»<sup>36</sup>. Эта, на первый взгляд, чисто догматическая дискуссия оказалась для юристов весьма полезной при решении целого ряда практических вопросов, в том числе о приобретении права собственности на переработку (*specificatio*), об определении долей в общей собственности и о разделе последней.

<sup>33</sup> См.: Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. Л., 1936. С. 119.

<sup>34</sup> См.: Фрагменты ранних стоиков / пер. и комм. А. А. Столярова. М., 1999. Т. II, Хрисипп из Сол. Ч. 1, Логические и физические фрагменты. С. 197–198.

<sup>35</sup> См.: Столяров А. А. Хрисипп из Сол // Философская антропология. 2020. Т. 6, № 2. С. 141.

<sup>36</sup> Цит. по: Фрагменты ранних стоиков / пер. и комм. А. А. Столярова. М., 2002. Т. II, Хрисипп из Сол. Ч. 2, Физические фрагменты. С. 71.

Трактуя указанные вопросы, римские юристы демонстрировали не только изощренные логические навыки, но и блестящее знакомство с древнегреческой физикой, прежде всего с учениями Аристотеля и стоиков. Потребность в решении практических задач, в том числе в формировании единообразной доктрины, пригодной для правоприменительных и дидактических целей, заставляла юристов классического периода сочетать элементы стоицизма и аристотелизма, что привело в III в. к преодолению идейных противоречий между сабинианцами, придерживавшимися учения Аристотеля, и прокулианцами, являвшимися последователями стоицизма<sup>37</sup>. Этому «позднеклассическому синтезу» в юриспруденции отчетливо коррелирует последовательное согласование на более высоком уровне теоретического обобщения позиций аномалистов и аналогистов в учениях грамматиков IV–V вв. Диомеда, Харисия и Присциана<sup>38</sup>.

Да, собственно, и сами противоборствующие учения стоиков и перипатетиков, постепенно сближаясь по многим позициям, в дальнейшем сделались частью всеобъемлющего неоплатонического мировоззрения, влиянием которого отмечены последние века истории античной культуры<sup>39</sup>. Возвращаясь же к предмету настоящего исследования, можно сделать вывод о том, что формирование унифицированного исследовательского дискурса на базе различных, в том числе противоречащих друг другу, философских доктрин путем устранения этих идейных противоречий в практической плоскости не только послужило мощным импульсом для развития античной (а затем и западной) традиции права, но и явилось одной из причин, обусловивших уникальную правотворческую миссию сочинений римских юристов.

#### **4. Античная правовая традиция и ее стадияльно-типологические особенности**

Правотворческое значение сочинений юристов обусловлено не только их научной, познавательной ценностью, о которой шла речь ранее, но и общеисторическим контекстом, а именно стадияльно-типологическими характеристиками античной правовой традиции, для которой доктрина выступала одним из наиболее важных источников права как в идейном, так и в формально-юридическом смыслах. Вообще следует отметить,

<sup>37</sup> См.: Истоки и источники права : генезис и эволюция / под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2022. С. 261–262. Обращает на себя внимание, что в процитированном выше отрывке Павел поддерживает мнение Прокула, в соответствии с которым «мы должны пользоваться тем правом, которое одобрили Сервий и Лабейон (Proculus indicat hoc iure nos uti, quod Servio et Labeoni placuisset)».

<sup>38</sup> См.: Мажуга В. И. Диомед и Харизий о лексической норме // Colloquia classica et indo-europaeica. II. Классическое и индоевропейское языкознание / под ред. Н. Н. Казанского. СПб., 2000. С. 74–85.

<sup>39</sup> См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. Харьков ; М., 2000. С. 214.

что динамическое измерение правопорядка и его контекстуальная обусловленность, воплощенные в понятии правовой традиции, приобретают особое значение для постклассического правопонимания, основная идея которого состоит в том, что способность тех или иных символических форм (текстов) выступать источниками права обусловлена не столько официально-волевым характером соответствующих текстов, сколько их коммуникативной релевантностью.

Отсюда следует весьма важный вывод о том, что формально-юридические источники приобретают правотворческие свойства не априори, но под влиянием ряда закономерностей эволюции правопорядков и на определенной ступени этой эволюции. При этом, подобно всякому приобретенному признаку, способность юридических текстов создавать право наследуется в диахронной перспективе, обуславливая как историческую специфику, так и преемственность соответствующих правопорядков и связанных с ними правовых традиций. Как известно, гипотеза о наследовании приобретенных признаков, впервые выдвинутая Ж. Б. Ламарком и получившая крайне неоднозначную оценку со стороны его современников, нашла развитие в рамках культурологической науки XX столетия, создавшей продуктивную концепцию социокультурной эволюции, для которой приобретение новых признаков и их наследование эволюционирующими системами является одним из важнейших движущих факторов прогресса.

Подобного мнения придерживался, в частности, Ф. А. Хайек, считавший учение Ч. Дарвина мало пригодным для описания процессов социокультурной эволюции, ведущую роль в которой играют не имманентно присущие системам («врожденные») признаки, а признаки, приобретаемые индивидами, культурами и обществами в результате приспособления к непредсказуемо меняющимся внешним условиям, служащим естественным фоном для процессов социокультурной эволюции<sup>40</sup>. Кажется отнюдь не случайным, что наиболее полную и развернутую формулировку эволюционная теория Хайека получила на юридическом материале<sup>41</sup>, ведь именно правопорядки (включающие в себя и государственные институты как необходимую составляющую) проявляют особенно наглядные способности к приобретению новых признаков в ходе исторического развития.

Подтверждением сказанному является эволюция государства, наиболее важными особенностями которой, по всей видимости, следует считать, во-первых, утрату признаков, изначально присущих традиционно-

<sup>40</sup> См.: Хайек Ф. А. Право, законодательство и справедливость : современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 42.

<sup>41</sup> О правопонимании Ф. Хайека подробнее см.: Рааб Р. С. Фридрих Хайек о сущности права // Правоведение. 2021. Т. 65, № 4. С. 463.

му государству, и, во-вторых, приобретение новых признаков, акцентируемых и закрепляющихся при переходе от традиционного государства к государству современного типа<sup>42</sup>. Важно при этом отметить, что приобретаемые признаки, как правило, не предопределяются исходным состоянием эволюционирующего правопорядка, но приобретаются спонтанно в качестве реакции на изменения социальной среды. С учетом сказанного заслуживает внимания вывод о том, что правовую традицию не следует рассматривать в виде неподвижной рамки, жестко ограничивающей поведение индивидов. Она изменчива и пластична, что объясняется действием свободы, выступающей сущностной характеристикой человеческого бытия, которая неизменно проявляется в правовых и социальных порядках.

Таким образом, способность правопорядков к приобретению новых признаков по мере социокультурной эволюции находит достаточно убедительное объяснение с позиций общей эволюционной теории, для которой «объектом эволюции является индивидуальное развитие как целое, т.е. онтогенез рассматривается как динамическая система, направленная к конечному завершению (взрослой норме). Эволюция есть цепь актов репарации такой системы, следующих после каждого нарушения ее устойчивости»<sup>43</sup>. Иными словами, широкие возможности доктринального правотворчества были связаны с эволюционной спецификой античной правовой традиции, характеризующейся отсутствием или недостаточной сформированностью целого ряда признаков, основополагающих для современных правопорядков.

Речь идет, прежде всего, о фактически отсутствовавшем в античном, в том числе в римском частном праве, признаке нормативности, который некритично воспринимается общей теорией в качестве универсальной характеристики любого права. Между тем, в римском правопорядке в роли правил поведения выступали субъективные права и обязанности участников конкретных фактических ситуаций, являвшихся простейшими элементами правовой коммуникации. Условием устойчивости субъективных прав и обязанностей, выступавших основными средствами конструирования правопорядка в условиях неразвитости нормативного начала, было взаимное признание индивидов в качестве равных и автономных субъектов, обладающих свободной волей и имущественной самостоятельностью<sup>44</sup>. Отметим, что естественной установкой, присущей

<sup>42</sup> См. подробнее об этом: Разуваев Н. В. Государство в эволюционном измерении. М., 2018. С. 69 и след.

<sup>43</sup> Шишкин М. А. Эволюционная теория и научное мышление // Палеонтологический журнал. 2010. № 6. С. 4.

<sup>44</sup> Попытку осмысления указанной типологической особенности античной правовой традиции предпринимает Л. Л. Кофанов, дающий ей совершенно фантастическое объяснение. По мнению ученого, фундаментом «внешней системы» римского права выступа-

любым видам культурной коммуникации, является признание ее участниками равного онтологического статуса и личностной самооценности друг друга. Эта особенность речевых актов проявляется уже на уровне речевой коммуникации, в частности, в структуре местоименного дейксиса большинства языков<sup>45</sup>. Однако лишь в правовой коммуникации данная естественная установка приобретает общезначимость и формальную определенность, необходимые и достаточные для конструирования социального пространства.

Безусловно, казуистичность римского права с течением времени вошла в противоречие с объективно присущей потребностью в типизации его конститутивных элементов в целях обеспечения стабильности и саморазвития правового порядка. Решение указанной задачи берет на себя правовая наука, выполнявшая важную работу по описанию и систематизации фактического состава правовой реальности, причем в процессе доктринального осмысления и систематизации субъективных прав последние становились общезначимыми, приобретая способность к реализации в неограниченном количестве типологически сходных фактических ситуаций. С неразвитостью нормативного начала было связано и отсутствие в античной правовой традиции и еще одного признака, являющегося универсальным для современного права, а именно системности. Было бы неверно считать римское право неким аналогом национальной правовой системы<sup>46</sup>, обладающим развитой иерархической структурой, которая включает в себя институты, подотрасли, отрасли и иные структурные единицы.

Рассматривая с этой точки зрения правопорядок античного Рима, легко убедиться в том, что его конститутивная и формально-логическая структуры имели не вертикально-иерархический, а сетевой характер. Пытаясь наглядно представить эти структуры, мы получаем не иерархическое древо, в котором нижестоящие уровни вытекают из уровней более высокого порядка и интегрируются в их состав, а, скорее, некое подобие диаграммы Эйлера Венна, все компоненты которой (а именно *ius naturale*, *ius civile*, *ius gentium*) расположены в горизонтальной плоско-

ла моральная категория *amicitia*, якобы заимствованная римлянами из учения Пифагора еще в VI в. до н.э. (см.: *Кофанов Л. Л.* Внешняя система римского права : право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности. М., 2015. С. 11). На наш взгляд, допущение о прямом воздействии философских идей на архаическое правосознание раннего Рима является вполне умозрительным, однако оно хорошо согласуется с первичностью для любого общения принципа взаимного признания свободы и автономии воли его участников, если под «дружбой» понимать именно этот принцип, складывающийся еще в первобытную эпоху.

<sup>45</sup> См. об этом: *Успенский Б. А.* *Ego Loquens* : язык и коммуникационное пространство. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2012. С. 21.

<sup>46</sup> См.: *Римское частное право* / под ред И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 2015. С. 20.



сти, частично пересекаясь и конкурируя между собой. Эту структурную особенность правопорядка отмечали еще римские юристы. Так, по словам Ульпиана, «цивильное право не отделяется всецело от естественного права и не во всем придерживается его; если мы что-либо прибавляем к общему праву или что-нибудь из него исключаем, мы получаем собственное, т.е. цивильное, право»<sup>47</sup>.

Как явствует из сказанного, *ius civile* было отнюдь не тождественно современному гражданскому праву в том плане, что являлось не «отраслью» как частью системы с четко очерченными предметом и методом регулирования, но, скорее, совокупностью субъективных прав и правовых отношений<sup>48</sup>, любое из которых могло возникнуть в рамках права народов, цивильного или преторского права, что, собственно, и создавало условия для партикуляризма римского правового порядка. Рассмотренным эволюционным (стадиально-типологическим) характеристикам последнего наглядно корреспондировало устройство римского государства, которое даже в эпоху своего наивысшего расцвета и могущества, т.е. в I–III вв., представляло собой не столько единую административную структуру, сколько достаточно рыхлый конгломерат разноуровневых местных общин, связанных сложной системой дипломатических отношений как между собой, так и с римским народом<sup>49</sup>, а затем с императором, воплощавшим в себе политическую и правовую субъектность *populus Romanus*<sup>50</sup>.

## 5. Сочинения римских юристов как источники права

Логическим следствием перечисленных особенностей античной правовой традиции, а именно юридического партикуляризма, неразвитости нормативного начала и отсутствия политического единства, стала неопределенность представлений об иерархии формально-юридических источников права по их юридической силе<sup>51</sup>. Наиболее ярким подтверждением сказанному, на наш взгляд, служит источник, обладающий примордиальностью в любом правопорядке, а именно обычай (*consuetudo*), чья юридическая сила долгое время вызывала разногласия как в

<sup>47</sup> Ulp. 1 inst., D. 1.1.6 pr.: *Ius civile est, quod neque in totum a naturali vel gentium recedit nec per omnia ei servit: itaque cum aliquid addimus vel detrahimus iuri communi, ius proprium, id est civile efficitur.*

<sup>48</sup> См.: Савиньи Ф. К. Система современного римского права : в 8 т. М., 2011. Т. I. С. 278–279.

<sup>49</sup> См. подробнее: Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337). Ithaca ; N. Y., 1977; Махлаюк А. В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // Античный полис : курс лекций / отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М., 2010. С. 201.

<sup>50</sup> Ulp. 1 inst., D. 1.4.1 pr.: *Quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote cum lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat.*

<sup>51</sup> См.: Истоки и источники права : генезис и эволюция / под ред. Р. А. Ромашова. С. 240 и след.

римской юридической науке, так и в правоприменительной практике. Последняя, как известно, прошла развитие от аксиоматичного для классических юристов представления об обычае как неписаном законе, способном в случае необходимости отменять законы писанные (D. 1.3.32.1; 1.3.36), до утвердившегося в постклассическую эпоху принципа, в соответствии с которым недопустимо посредством обычая отменять разум или закон<sup>52</sup>.

Собственно, если вспомнить, что даже Законы XII таблиц, которым уже античной правовой традицией придавалось значение основы всех источников гражданского права<sup>53</sup>, представляли собой не что иное, как писанный свод обычного права, то станет ясным, что критерием разграничения между законами, в особенностях такими, как *leges regiae* или *iūs Papirianum* (Pomp. 1 enchr., D. 1.2.2.2; Dionys. III.36.4; Macrob. Sat. III.11.5; Serv. ad. Aen. 12.836), и собственно обычаями в античной правовой традиции выступали наличие либо отсутствие словесного выражения соответствующих текстов. Релевантность последнего вытекает из лексической формы дефиниций, даваемых римскими юристами соответствующим источникам, а именно из различия «молчаливого согласия народа»<sup>54</sup> и того, что «народ повелел и постановил»<sup>55</sup>.

Речь идет о фундаментальной в культурно-историческом плане семантической оппозиции *taceo/lego*. В контексте указанной оппозиции первый член означает не просто молчание, но совершение тайных сакральных действий, в том числе исключительно в невербальной, жестовой форме (ср. *adv. tacite* 'молчаливо', 'тихо', 'незаметно', 'тайно'), тогда как второй член предполагает любые виды письменной и устной речи. Таким образом, в отличие от современного иерархического подхода к организации системы источников права по их юридической силе, античная правовая традиция предполагала диахронную последовательность, в которой различные формы права могли замещать друг друга, а также выходить из обращения под воздействием общих социально-исторических, культурных и политических факторов<sup>56</sup>.

Учитывая семиотическую (знаково-символическую) природу права, можно со всей уверенностью утверждать, что важнейшими из подобных

<sup>52</sup> C. 8.52.2, a. 319: *Consuetudinis ususque longaevi non vilis auctoritas est, verum non usque adeo sui valitura momenta, ut aut rationem vinca taut legem.*

<sup>53</sup> Liv. III.34.6: *Cum ad rumores hominum de unoquoque legum capite editos satis correctae viderentur, centuriatis comitiis decem tabularum leges perlatae sunt, qui nunc quoque, in hoc immenso aliarum super alias acervatarum legum cumulo, fons omnis publici privatique est iuris.*

<sup>54</sup> Ulp. Reg. 1.4: *Mores sunt tacitus consensus populi, longa consuetudine inveteratus.*

<sup>55</sup> Gai. 1.3: *Lex est quod populus iubet atque constituit.*

<sup>56</sup> См. подробнее об этом: Изменения в праве : новаторство и преемственность / под ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергеевнина, Н. В. Разуваева. СПб., 2022. С. 32–33.

факторов являлись закономерности стадийного развития знаковой коммуникации в античном мире<sup>57</sup>, на общезыковом материале рассмотренные Н. Я. Марром<sup>58</sup>. По мнению ученого, первой стадией коммуникации, на которой зародились древнейшие «идеологические» представления о праве, являлась стадия линейной ручной речи, когда действия первобытных людей, в том числе юридически значимые действия, имели невербальный характер, предполагающий вторичность звуковых сигналов. Универсальная связь мышления с поведенческими актами, опосредствуемая знаковыми формами коммуникации, требовала для всех типов общения закономерно присущих им типов мыслительной деятельности.

Из всего сказанного напрашивается вывод о том, что исходным типом мышления для античной правовой традиции являлось сакральное ассоциативно-образное мышление, артикулированное жестовой, а затем и устной вербальной речью, воплощением которых было обычное право. Одним из важных результатов вербализации коммуникативного действия становится трансформация ассоциативно-образного мышления в мышление понятийное, повлекшая за собой десакрализацию обычного права и утрату ритуалом присущей ему способности подчинять себе поведение участников правового общения<sup>59</sup>. Дополнительным, но при этом мощным, импульсом десакрализации обычного права становится письменная фиксация последнего<sup>60</sup>, способствовавшая появлению новых источников, в том числе доктринальных правовых текстов, еще античными юристами относимых к категории *ius scriptum*<sup>61</sup>.

Нетрудно заметить, что юридическая доктрина пережила ту же эволюцию, которая в самых общих чертах была намечена нами применительно ко всем прочим источникам римского права. Имея первоначально сакральный характер, что предполагало тесную связь с обычаем и религиозным ритуалом<sup>62</sup>, юридическая доктрина на рубеже III–II вв. до н.э. становится концентрированным проявлением понятийного правового мышления, успешно конкурируя в этом качестве не только с обычаем, но и с законами, эдиктами магистратов и иными формами респу-

<sup>57</sup> Сходные выводы, применительно к политическому общению, делает выдающийся отечественный историк-антиковед С. Л. Утченко. См.: Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.). М., 1977. С. 7 и след.

<sup>58</sup> См., в частности: Марр Н. Я. Язык и письмо // Марр Н. Я. Избранные работы. М., 1936. Т. II, Основные вопросы языкознания. С. 352–371.

<sup>59</sup> См.: Пешков И. В. Введение в риторику поступка. М., 1998.

<sup>60</sup> См. об этом: Темнов Е. И. Звучащая юриспруденция. М., 2010. С. 24 и след.

<sup>61</sup> I. 1.2.3: Constat autem ius nostrum aut ex scripto aut ex non scripto, ut apud Graecos: τὸν νόμον οἱ μὲν ἔγραφοι, οἱ δὲ ἄγραφοι. Scriptum ius est lex, plebiscita, senatus consulta, principum placita, magistratuum edicta, responsa prudentium.

<sup>62</sup> См.: Кофанов Л. Л. Ius peritus Apollo (к вопросу о происхождении римской юриспруденции) // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2016. Т. 5. С. 320 и след.

бликанского права. Примечательно, что в античной правовой традиции доктринальное правотворчество могло иметь как письменный, так и устный характер, причем устные *responsa* юристов (*disputatio fori*), насколько можно судить, обладали правотворческим значением уже в предклассическую эпоху<sup>63</sup>.

В свою очередь, письменные доктринальные тексты становятся формально-юридическими источниками права лишь в классическом праве, т.е. с конца I в. до н.э. Это, на наш взгляд, объясняется не только характерной для позднеантичной культуры тенденцией к приданию письменной коммуникации большей значимости в сравнении с устной речью, но и теми социально-политическими процессами, которыми сопровождалось становление режима принципата, а именно утратой комициями и республиканскими магистратурами прежнего политического статуса. Как следствие, законотворческая деятельность комиций, уже при Августе имевшая во многом фиктивный характер, прекращается в конце I в. н.э., а в 131 г., с принятием *Edictum perpetuum* императора Адриана, прекращается и преторское правотворчество. Подобная консервация системы источников римского права оказалась чреватой появлением невосполнимых пробелов, число которых увеличивалось по мере развития правопорядка.

В таких условиях сочинения юристов становятся основными источниками права, чему, в числе прочего, способствовало отсутствие в римском правопорядке прецедентного (судебного) права как такового. Указанная особенность античной правовой традиции предопределила характер применения доктринальных текстов в юридической практике. Поскольку *prudentes* в своих сочинениях имели дело с обсуждением, анализом и обобщением конкретных фактических ситуаций, то их сочинения приобретали регулятивный эффект, не напрямую, а через посредство судов, для которых обязательным при вынесении решений являлся учет мнений юристов (и, прежде всего, «великой пятерки» классической эпохи – Модестина, Гая, Ульпиана, Папиниана и Павла)<sup>64</sup>.

Представляется, что именно доктринальное правотворчество в наибольшей степени отвечало рассмотренным выше стадияльно-типологическим особенностям античного правопорядка, основными инструментами конструирования которого являлись не столько нормы, сколько

<sup>63</sup> Pomp. 1 enchp., D. 1.2.2.5: *His legibus latis coepit (ut naturaliter evenire solet, ut interpretatio desideraret prudentium auctoritatem) necessarium esse disputationem fori. Haec disputatio et hoc ius, quod sine scripto venit compositum a prudentibus, propria parte aliqua non appellatur ut ceterae partes iuris suis nominibus designantur, datis propriis nominibus ceteris partibus, sed communi nomine appellatur ius.*

<sup>64</sup> CTh. 1.4.3, a. 426: *Papiniani, Pauli, Gai, Ulpiani atque Modestini scripta universa firmamus ita, ut Gaium quae Paulum, Ulpianum et ceteros comitetur auctoritas lectionesque ex omni eius corpore recitentur.*

конкретные фактические ситуации и субъективные права и обязанности. Деятельность римских юристов, таким образом, компенсировала характерную для античной правовой традиции неразвитость нормативных средств регулирования поведения индивидов. Вот почему мы не можем согласиться с мнением тех ученых, кто полагает, что доктринальные тексты имели по преимуществу интерпретационный характер и были посвящены толкованию уже существующих, готовых норм «объективного права»<sup>65</sup>. В действительности же римская юриспруденция не только исследовала, толковала и применяла, но прежде всего творила право. Будучи исторически релевантным для античного правопорядка, правотворчество римских юристов повлияло на дальнейший ход эволюции, предвосхищая ту роль, которую сыграла юридическая наука в формировании западной традиции права.

## 6. Заключение

Развитие доктринального правотворчества в классическом римском праве не просто повысило степень формальной определенности юридической коммуникации, но и перестроило сам правопорядок на принципиально новых началах, придавших мощный стимул к его трансформации. Интеллектуальная деятельность юристов в значительной мере способствовала категоризации правового сознания и трансформации ассоциативно-образного юридического мышления в мышление понятийное. Продолжением указанного процесса становятся внутренняя дифференциация правового порядка и выделение *ius naturale* в качестве совокупности доктринально сформулированных общих принципов, на основе которых осуществлялось правовое регулирование.

Общезначимость положений естественного права осознавалась уже самими римскими юристами, свидетельством чему является хрестоматийная ульпиановская дефиниция *ius naturale* как *quod natura omnia animalia docunt*. Несложно заметить принципиальное отличие идеи естественного права в интерпретации римских юристов, с одной стороны, от «естественного закона» (*lex naturalis*) средневековых мыслителей, таких как Фома Аквинский, и от современной концепции естественных прав и свобод человека, с другой стороны. Представляется, что указанное различие выступает наглядным индикатором общих закономерностей эволюции правовых порядков.

В самом деле, для Фомы Аквинского и средневековых юристов *lex naturalis* встраивался в вертикальную иерархию правил, каждый уровень которой различался лишь степенью общезначимости и нормативной обязательности соответствующих пропозиций. Логическая структу-

<sup>65</sup> См.: Харитонов Л. А. Толкование правовых норм в Древнем Риме // Юридическая мысль. 2016. № 2(94). С. 56.

ра данной иерархии в целом коррелировала с теми общими принципами (прежде всего, с возведенным в ранг закона неравенством статусов), на которых основывались правовая и культурная традиции европейского средневековья. С другой стороны, в эпоху модерна, не в последнюю очередь под влиянием этики протестантизма, а также радикальных общественных преобразований, инициированных буржуазными революциями XVII–XVIII вв., естественные права стали осмысливаться в основном как права субъективные, противопоставленные, но одновременно и соотносённые в рамках единой бинарной оппозиции с нормами и институтами права. В любом случае как первый, так и второй подходы (т.е. как универсальная иерархия норм, отрицающая субъективное право, так и дуализм объективного права и субъективных прав) были диаметрально противоположными подходу римских юристов, подлежащему осмыслению в контексте тех стадияльно-типологических признаков античной правовой традиции, о которых ранее уже шла речь.

Учитывая партикуляристский характер римского правопорядка и присущую ему неразвитость нормативного начала, можно сделать вывод о том, что положения естественного права представляли собой не столько один из уровней структурной организации системы римского права, сколько относительно автономный регион юридического жизненного мира, взаимно дополняющий сферу действия субъективных прав и одновременно организующий эти последние с целью придания юридической коммуникации субъектов необходимой для нее общезначимости. Именно в естественном праве происходит соотношение многообразных правовых отношений с доктринально сформулированными общими принципами, впоследствии ставшими смысловым ядром юридической нормативности. При этом и само *ius naturale*, в отличие от соответствующей категории досократиков, Аристотеля, стоиков и других греческих философов, имевшей абстрактно-умозрительный характер, индуктивно выводилось юристами из конкретных фактических обстоятельств, что придавало ему регулятивный эффект.

Таким образом, сочинения римских юристов и юридическая наука в целом выступают образцовым для античной правовой традиции источником права. Представляется, однако, что значение доктринального правотворчества не ограничивается историческим контекстом, но сохраняется и в современных условиях. Как показывает практика, специфика частного права, прежде всего, его дозволительный характер, благодаря чему субъективные гражданские права нередко могут предшествовать законодательному регулированию или даже не сопровождаться последним, открывает доктрине широкие регулятивные возможности в данной сфере.



### Библиографический список

- Алексеев С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : ТК Велби ; Изд-во Проспект, 2008. – 576 с.
- Алпатов В. М. Два подхода к изучению языка / В. М. Алпатов // История и современность. – 2016. – № 1(23). – С. 198–220.
- Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – Л. : ОГИЗ, 1936. – 344 с.
- Берман Г. Дж. Вера и закон : примирение права и религии / Г. Дж. Берман. – М. : Ad Marginem, 1999. – 431 с.
- Берман Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во МГУ ; Издат. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.
- Бехруз Х. Н. Римская юриспруденция и исламская правовая доктрина : сравнительно-правовой аспект / Х. Н. Бехруз // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 12(67). – С. 113–117.
- Гринберг Дж. Меморандум о языковых универсалиях / Дж. Гринберг, Ч. Огсуд, Р. Дженкинс // Новое в лингвистике. – Вып. V, Языковые универсалии / под ред. Б. А. Успенского. – М. : Прогресс, 1970. – С. 31–44.
- Гусаренко С. В. Прагматика релевантности в современном русском тексте-описании (на материале художественных и учебно-научных текстов) / С. В. Гусаренко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 4. – С. 179–182.
- Дорская А. А. Правовые традиции России в контексте национального и международного правового развития / А. А. Дорская // Вестник РГНФ. – 2016. – № 3–4. – С. 91–108.
- Драчева Н. В. Спор об аналогии и аномалии в трактате Марка Теренция Варрона “De Lingua Latina” / Н. В. Драчева // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Культурология. Языкознание. – 2014. – № 8 (130). – С. 181–189.
- Емелин М. Ю. Правовая доктрина в системе источников общего права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Ю. Емелин. – Саратов : СГЮА, 2015. – 201 с.
- Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности / Л. Я. Жмудь. – СПб. : РХГИ, 2002. – 424 с.
- Изменения в праве : новаторство и преемственность / под ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергеевнина, Н. В. Разуваева. – СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. – 342 с.
- Истоки и источники права : генезис и эволюция / под ред. Р. А. Ромашова. – СПб. : Алетейя, 2022. – 482 с.
- История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсесянц. – М. : Наука, 1985. – 352 с.
- Клайн М. Математика. Утрата определенности / М. Клайн. – М. : Мир, 1984. – 447 с.
- Конт О. Курс положительной философии : в 6 т. / О. Конт. – СПб. : Тип. Т-ва «Посредник», 1900. – Т. I, Философия математики. – 178 с.
- Котлова А. В. Доктрина как источник права во Франции / А. В. Котлова // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 10 (125). – С. 43–45.
- Кофанов Л. Л. Ius peritus Apollo (к вопросу о происхождении римской юриспруденции) / Л. Л. Кофанов // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. – 2016. – Т. 5. – С. 307–344.

Кофанов Л. Л. Внешняя система римского права : право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности / Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2015. – 192 с.

Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. Том первый / В. И. Лафитский. – М. : Статут, 2010. – 429 с.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм / А. Ф. Лосев. – Харьков : Фолио ; М. : ООО «Издательство АСТ», 2000. – 960 с.

Мажуга В. И. Диомед и Харизий о лексической норме / В. И. Мажуга // *Colloquia classica et indo-europaeica*. II. Классическое и индоевропейское языкознание / под ред. Н. Н. Казанского. – СПб. : Алетейя, 2000. – С. 74–87.

Малиновский А. А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) / А. А. Малиновский // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2009. – № 1. – С. 3–6.

Малько А. В. Система нетрадиционных источников российского частного права / А. В. Малько, Д. В. Храмов // *Ленинградский юридический журнал*. – 2010. – № 1. – С. 36–39.

Марр Н. Я. К происхождению языков / Н. Я. Марр // Марр Н. Я. Избранные работы. – Л. : Изд-во ГАИМК, 1933. – Т. I, Этапы развития яфетической теории. – С. 217–220.

Марр Н. Я. Язык и письмо / Н. Я. Марр // Марр Н. Я. Избранные работы. – М. : Соцэкгиз, 1936. – Т. II, Основные вопросы языкознания. – С. 352–371.

Махлаюк А. В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата / А. В. Махлаюк // *Античный полис. Курс лекций* / отв. ред. В. В. Деметьева, И. Е. Суриков. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – С. 176–226.

Овчинников А. И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации / А. И. Овчинников, А. О. Долгатова, В. И. Фатхи // *Философия права*. – 2016. – № 2 (75). – С. 59–64.

Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. XVII, Теория речевых актов. – С. 22–131.

Пешков И. В. Введение в риторику поступка / И. В. Пешков. – М. : Лабиринт, 1998. – 282 с.

Полдников Д. Ю. Проблемы определения правового принципа в европейской юриспруденции / Д. Ю. Полдников // *Вестник НГУ. Сер.: Право*. – 2011. – Т. 7, вып. 1. – С. 6–12.

Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание : избр. труды / А. В. Поляков. – СПб. : ООО Издат. дом «Алеф-Пресс», 2014. – 575 с.

Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания : российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву / А. В. Поляков // *Труды Института государства и права РАН*. – 2021. – Т. 16, № 6. – С. 39–101.

Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы / К. Р. Поппер. – М. : Прогресс, 1983. – 605 с.

Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Р. Поппер. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.

Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2016. – 688 с.

*Прокл Диадок.* Комментарий к первой книге «Начал» Евклида / Диадок Прокл. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. – 368 с.

*Пуанкаре А.* Наука и метод / А. Пуанкаре. – Одесса : Научное обозрение, 1910. – 392 с.

*Рааб Р. С.* Фридрих Хайек о сущности права / Р. С. Рааб // Правоведение. – 2021. – Т. 65, № 4. – С. 462–483.

*Разуваев Н. В.* Государство в эволюционном измерении / Н. В. Разуваев. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 520 с.

*Римское частное право* / под ред И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – М. : КНОРУС, 2015. – 592 с.

*Савиньи Ф. К.* Система современного римского права : в 8 т. / Ф. К. Савиньи. – М. : Статут, 2011. – Т. I. – 512 с.

*Смирин В. М.* Римская школьная риторика Августа века как исторический источник (по «Контroversиям» Сенеки Старшего) / В. М. Смирин // Вестник древней истории. – 1977. – № 1. – С. 95–113.

*Сорокина Ю. В.* Социально-правовое устройство праславян : индоевропейские традиции / Ю. В. Сорокина // История государства и права. – 2021. – № 12. – С. 59–66.

*Столяров А. А.* Хрисипп из Сол / А. А. Столяров // Философская антропология. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 127–156.

*Сырых В. М.* Проблемы теории государства и права / В. М. Сырых. – М. : Эксмо, 2008. – 528 с.

*Темнов Е. И.* Звучащая юриспруденция / Е. И. Темнов. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 550 с.

*Успенский Б. А.* Ego Loquens : язык и коммуникационное пространство / Б. А. Успенский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : РГГУ, 2012. – 344 с.

*Утченко С. Л.* Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.) / С. Л. Утченко. – М. : Наука, 1977. – 257 с.

*Фрагменты ранних стоиков* / пер. и комм. А. А. Столярова. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. – Т. II, Хрисипп из Сол. – Ч. 1, Логические и физические фрагменты. – 278 с.

*Фрагменты ранних стоиков* / пер. и комм. А. А. Столярова. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. – Т. II, Хрисипп из Сол. – Ч. 2, Физические фрагменты. – 269 с.

*Фрейдсберг О. М.* Миф и литература древности / О. М. Фрейдсберг. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Издат. фирма «Восточная литература», 1998. – 800 с.

*Фролов Э. Д.* Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть) / Э. Д. Фролов. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2001. – 602 с.

*Хайек Ф. А.* Право, законодательство и справедливость : современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. Хайек. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 648 с.

*Харитонов Л. А.* Толкование правовых норм в Древнем Риме / Л. А. Харитонов // Юридическая мысль. – 2016. – № 2 (94). – С. 52–58.

*Цвайгерт К.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – М. : Междунар. отношения, 2000. – Т. I, Основы. – 480 с.

*Честнов И. Л.* Постклассическая теория права / И. Л. Честнов. – СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.

*Шахт Дж.* Происхождение мусульманской юриспруденции / Дж. Шахт. – М. : Мир, 1950. – 493 с.

*Шишкин М. А.* Эволюционная теория и научное мышление / М. А. Шишкин // Палеонтологический журнал. – 2010. – № 6. – С. 3–16.

*Amos S.* History and Principles of the Civil Law of Rome. An Aid to the Study of Scientific and Comparative Jurisprudence / S. Amos. – Littleton : Fred B. Rothman & Co., 1987. – 490 p.

*Crone P.* Roman, Provincial and Islamic law : The Origins of the Islamic Patronate / P. Crone. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 188 p.

*Millar F.* The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337) / F. Millar. – Ithacka ; N. Y. : Cornell University Press, 1977. – 671 p.

*Pierce C. S.* Three Types of Reasoning / C. S. Pierce // Pierce C. S. The Collected Papers. – Cambridge (Mass.) : Cambridge University Press, 1931. – Vol. V, Pragmatism and Pragmaticism. – P. 151–212.

## References

*Alekseev S. S.* General Theory of Law / S. S. Alekseev. – M. : Welby Trading Company ; Prospect Publishing House, 2008. – 576 p.

*Alpatov V. M.* Two approaches to the study of language / V. M. Alpatov // History and the present. – 2016. – No. 1(23). – Pp. 198–220.

Antique theories of language and style / ed. by O. M. Freidenberg. – L. : OGYZ, 1936. – 344 p.

*Berman G. J.* Faith and Law : Reconciliation of Law and Religion / G. J. Berman. – M. : Ad Marginem, 1999. – 431 p.

*Berman G. J.* The Western Tradition of Law: The Age of Formation / G. J. Berman. – Ed. 2-th. – M. : MSU ; Publishing Group INFRA-M – NORMA, 1998. – 624 p.

*Behruz H. N.* Roman jurisprudence and Islamic legal doctrine : a comparative-legal aspect / H. N. Behruz // Eurasian Law Journal. – 2013. – No. 12 (67). – Pp. 113–117.

*Greenberg J.* Memorandum on linguistic universals / J. Greenberg, C. Osgood, R. Jenkins // New in Linguistics. – Vol. V, Linguistic universals / ed. by B. A. Uspenskij. – M. : Progress, 1970. – Pp. 31–44.

*Gusarenko S. V.* Pragmatics of relevance in modern Russian text-description (on the material of fiction and educational-scientific texts) / S. V. Gusarenko // Humanities and law research. – 2017. – No. 4. – Pp. 179–182.

*Dorskaya A. A.* Legal traditions of Russia in the context of national and international legal development / A. A. Dorskaya // Vestnik RGNF. – 2016. – No. 3–4. – Pp. 91–108.

*Dracheva N. V.* Dispute about analogy and anomaly in treatise “De Lingua Latina” by Marcus Terentius Varron / N. V. Dracheva // Vestnik RGGU. Ser.: Culturology. Linguistics. – 2014. – No. 8(130). – Pp. 181–189.

*Emelin M. Yu.* Legal doctrine in the system of sources of common law : autoref. diss. ... PHD in Legal sciences / M. Yu. Emelin. – Saratov : SJUA, 2015. – 201 p.

*Zhmud L. Ya.* The origin of the history of science in antiquity / L. Ya. Zhmud. – SPb. : RCHI, 2002. – 424 p.

Changes in law : innovation and continuity / ed. by D. E. Mereshkin, S. L. Sergevin, N. V. Razuvaev. – SPb. : EPC SZIU RANEPa, 2022. – 342 p.

- Origins and Sources of Law : Genesis and Evolution. – SPb : Aletheia, 2022. – 482 p.  
History of political and legal doctrines. The Ancient World / ed. S. Nersesians. – M. : Nauka, 1985. – 352 p.
- Klein M.* Mathematics. The loss of certainty / M. Klein. – M. : World, 1984. – 447 p.
- Comte O.* A Course in Positive Philosophy. In six volumes / O. Comte. – SPb. : The Mediator Company Press, 1900. – Vol. I, Philosophy of Mathematics. – 178 p.
- Kotlova A. V.* Doctrine as a source of law in France / A. V. Kotlova // Eurasian Law Journal. – 2018. – No. 10(125). – Pp. 43–45.
- Kofanov L. L.* Ius peritus Apollo (on the origin of Roman jurisprudence) / L. L. Kofanov // Scripta Antiqua. Issues of ancient history, philology, art and material culture. – 2016. – T. 5. – Pp. 307–344.
- Kofanov L. L.* The External System of Roman Law : Law of Nature, Law of Nations and Commercial Law in the Legal Thought of Antiquity / L. L. Kofanov. – M. : Statut, 2015. – 192 p.
- Lafitsky V. I.* Comparative jurisprudence in images of law / V. I. Lafitsky. – M. : Statute, 2010. – Vol. 1. – 429 p.
- Losev A. F.* History of Ancient Aesthetics. Late Hellenism / A. F. Losev. – Kharkov : Folio ; M. : OOO “Publishing House AST”, 2000. – 960 p.
- Mazhuga V. I.* Diomedes and Charisius on the lexical norm / V. I. Mazhuga // Colloquia classica et indo-europaea. II. Classical and Indo-European Linguistics / ed. by N. N. Kazanskii. – SPb. : Aletheia, 2000. – Pp. 74–87.
- Malinovsky A. A.* Doctrine as a source of criminal law (Comparative Legal Aspects) / A. A. Malinovsky // International Criminal Law and International Justice. – 2009. – No. 1. – Pp. 3–6.
- Malko A. V.* System of non-traditional sources of Russian private law / A. V. Malko, D. V. Khramov // Leningrad Law Journal. – 2010. – No. 1. – Pp. 36–39.
- Marr N. Ya.* To the origin of languages / N. Ya. Marr // Marr N. Ya. Selected works. – L. : Publishing house of the State Institute of Archeology and Ethnology of the Russian Academy of Sciences, 1933. – Vol. I, Stages in the development of japhetic theory. – Pp. 217–220.
- Marr N. Ya.* Language and Writing / N. Ya. Marr // Marr N. Ya. Selected Works. – M. : Sozkgiz, 1936. – Vol. II, Basic Problems of Linguistics. – Pp. 352–371.
- Mahlayuk A. V.* The polis-republican structures and traditions in the age of principality / A. V. Mahlayuk // The Ancient Polis. Course of lectures / ed. V. Dementieva, I. E. Surikov. – M. : Russian Foundation for Education and Science, 2010. – Pp. 176–226.
- Ovchinnikov A. I.* Legal doctrine as a source of law in the Russian Federation / A. I. Ovchinnikov, A. O. Dolgatova, V. I. Fathi // Philosophy of Law. – 2016. – No. 2(75). – Pp. 59–64.
- Austin J. L.* Word as action / J. L. Austin // New in foreign linguistics. – M. : Progress, 1986. – Vol. XVII, Theory of speech acts. – Pp. 22–131.
- Peshkov I. B.* Introduction to the Rhetoric of Action / I. B. Peshkov. – M. : Labirint, 1998. – 282 p.
- Poldnikov D. Yu.* Problems of the definition of a legal principle in the European jurisprudence / D. Yu. Poldnikov // Vestnik of the NSU. Ser.: Law. – 2011. – T. 7, vol. 1. – Pp. 6–12.
- Polyakov A. V.* Communicative legal understanding : Selected Works / A. V. Polyakov. – SPb. : OOO Publ. House “Alef-Press”, 2014. – 575 p.



*Polyakov A. V.* Principle of mutual legal recognition : Russian philosophical-legal tradition and communicative approach to law / A. V. Polyakov // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2021. – Vol. 16, No. 6. – Pp. 39–101.

*Popper K. R.* Logic and the Growth of Scientific Knowledge. Selected Works / K. R. Popper. – M. : Progress, 1983. – 605 p.

*Popper K. R.* Objective Knowledge. An Evolutionary Approach / K. R. Popper. – M. : Editorial UrsS, 2002. – 384 p.

Post-classical ontology of law : monograph / ed. L. Chestnov. – SPb. : Aletheia, 2016. – 688 p.

*Proclus Diadochos.* Commentary on the first book of Euclid's "Beginnings" / Diadochos Proclus. – M. : Russian Foundation for Assistance to Education and Science, 2013. – 368 p.

*Poincaré A.* Science and method / A. Poincaré. – Odessa : Scientific Review, 1910. – 392 p.

*Raab R. C.* Friedrich Hayek on the essence of law / R. C. Raab // Jurisprudence. – 2021. – T. 65, No. 4. – Pp. 462–483.

*Razuvaev N. V.* State in the evolutionary dimension / N. V. Razuvaev. – M. : Yurлит-inform, 2018. – 520 p.

Roman private law / ed. I. B. Novitsky, I. S. Peretersky. – M. : Knorus, 2015. – 592 p.

*Savigny F. K.* The system of modern Roman law. In 8 vol. / F. K. Savigny. – M. : Statute, 2011. – Vol. I. – 512 p.

*Smirin V. M.* Roman School Rhetoric of Augustus' Age as a Historical Source (on the "Controversies" of Seneca the Elder) / V. M. Smirin // Bulletin of Ancient History. – 1977. – No. 1. – P. 95–113.

*Sorokina Y. V.* Social-legal structure of the Proto-Slavs : Indo-European traditions / Y. V. Sorokina // History of State and Law. – 2021. – No. 12. – Pp. 59–66.

*Stolyarov A. A.* Chrysippus from Sol / A. A. Stolyarov // Philosophical Anthropology. – 2020. – T. 6, No. 2. – Pp. 127–156.

*Syrykh V. M.* Problems of the Theory of State and Law / V. M. Syrykh. – M. : Eksmo, 2008. – 528 p.

*Temnov E. I.* Sound jurisprudence / E. I. Temnov. – M. : Wolters Klover, 2010. – 550 p.

*Uspenskiy B. A.* Ego Loquens : Language and Communication Space / B. A. Uspenskiy. – Ed. 2nd revised edition. – M. : Russian State University for the Humanities, 2012. – 344 p.

*Utchenko S. L.* Political doctrines of Ancient Rome (III–I centuries B.C.) / S. L. Utchenko. – M. : Nauka, 1977. – 257 p.

Fragments of the Early Stoics / translated and commented by A. A. Stolyarov. – M. : "Greco-Latin Cabinet" by Yu. A. Shichalin, 1999. – Vol. II, Chrysippus of Sol. – Part 1, Logical and Physical Fragments. – 278 p.

Fragments of the Early Stoics / translated and commented by A. A. Stolyarov. – M. : "Greco-Latin Cabinet" by Yu. A. Shichalin, 2002. – Vol. II, Chrysippus of Sol. – Part 2, Physical Fragments. – 269 p.

*Freidenberg O. M.* Myth and the Literature of Antiquity / O. M. Freidenberg. – Ed. 2nd revised edition. – M. : Eastern Literature Publishing Company, 1998. – 800 c.

*Frolov E. D.* Greece in the Late Classical Era (Society. Personality. Power) / E. D. Frolov. – SPb. : The Academy of Humanities, 2001. – 602 p.



*Hayek F. A. Law, Legislation and Justice : Modern Understanding of the Liberal Principles of Justice and Politics / F. A. Hayek. – M. : IRISAN, 2006. – 648 p.*

*Kharitonov L. A. Interpretation of legal norms in ancient Rome / L. A. Kharitonov // Juridical thought. – 2016. – No. 2(94). – Pp. 52–58.*

*Zweigert K. Introduction to comparative law in private law / K. Zweigert, H. Kötz. – M. : International Relations, 2000. – Vol. I, Fundamentals. – 480 p.*

*Chestnov I. L. Post-classical theory of law / I. L. Chestnov. – SPb. : Alef-Press Publishing House, 2012. – 650 p.*

*Schacht J. The Origin of Muslim Jurisprudence / J. Schacht. – M. : The World, 1950. – 493 p.*

*Shishkin M. A. Evolutionary theory and scientific thinking / M. A. Shishkin // Paleontological Journal. – 2010. – No. 6. – Pp. 3–16.*

*Amos S. History and Principles of the Civil Law of Rome. An Aid to the Study of Scientific and Comparative Jurisprudence / S. Amos. – Littleton : Fred B. Rothman & Co., 1987. – 490 p. (in Engl.)*

*Crone P. Roman, Provincial and Islamic law : The Origins of the Islamic Patronate / P. Crone. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 188 p. (in Engl.)*

*Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337) / F. Millar. – Ithaca ; N. Y. : Cornell University Press, 1977. – 671 p. (in Engl.)*

*Pierce C. S. Three Types of Reasoning / C. S. Pierce // Pierce C. S. The Collected Papers. – Cambridge (Mass.) : Cambridge University Press, 1931. – Vol. V, Pragmatism and Pragmaticism. – P. 151–212. (in Engl.)*

### **Для цитирования:**

*Разуваев Н. В. Правотворческое значение сочинений юристов в правовой традиции античного мира // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 7–33.*

### **Recommended citation:**

*Razuvaev N. V. The law-making effect of writings of roman lawyers in the legal tradition of the ancient world // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 7–33.*

### **Сведения об авторе**

*Разуваев Николай Викторович* – заведующий кафедрой гражданского и трудового права СЗИУ РАНХиГС, доктор юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», Почетный работник сферы образования Российской Федерации

E-mail: nrasuvaev@yandex.ru

### **Information about the author**

*Razuvaev Nikolai Viktorovich* – Head of the Department of Civil and Labor Law SZIU RANEPa, Doctor of Law, Associate Professor, Editor-in-Chief of the journal “Theoretical and Applied Jurisprudence”, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

E-mail: nrasuvaev@yandex.ru